

— Ты выглядишь потрясающе, дорогая. Йеннифэр заверила ее, кажется, в тысячный раз.

«Честно говоря, не уверен, что мне нужно меняться. Мне было хорошо носить то, что у меня было». Колдунья отбросила руку, пытавшуюся поднять подол платья, которое они с Трисс ей подарили.

'Ерунда. Это первый праздник, который Каэр Морхен видел за сотни лет, и мы сделаем его грандиозным.

«Не понимаю, почему я выгляжу как идиот». Элли пробормотала себе под нос, когда элегантная женщина ускользнула от нее. Трисс усмехнулась рядом с ней.

'Не волнуйся. Вы не первая менее чем восторженная жертва, о которой заявила Йеннифэр. Я потерял счет тому, сколько раз она заставляла бедную Цири делать что-то более... женственное. Элли посмотрела на себя, ее щеки слегка покраснели от откровенного платья. Это было лучшее из худших платьев, единственное, которое она согласилась надеть после того, как Йен показала ей множество экстравагантных платьев в пол, сшитых для кого-то гораздо более высокого класса, чем она. В конце концов они снова покопались в гардеробе загадочной Цири, и Элли с неохотой остановила свой выбор на простом платье А-силуэта нежного синего цвета яичной скорлупы. Оно было с открытыми плечами, слишком короткое внизу и низкое сверху, на ее вкус, но оно было лучше остальных. Ей пришлось признаться, что она испытывала прилив симпатии к Трисс за то, что ей пришлось соревноваться с этой вертящейся дервишкой за расположение Геральта. С другой стороны, ей тоже было жаль Геральта.

'Давай давай. Мальчики ждут дам. Йен выстрелила в ответ им обоим, и Элли тяжело вздохнула.

«Не похоже, что они собираются прилагать усилия». Она проворчала рыжей голове. Трисс улыбнулась.

— Ох, никогда не знаешь. Одуванчик мог бы их подтолкнуть к этому. Элли фыркнула. Бард пробыл в крепости всего чуть больше шести часов, но он определенно произвел впечатление. В тот момент, когда яркий, энергичный мужчина вбежал в главный зал, Элли почувствовала, как у нее поднялось настроение. Правда, его присутствие означало, что вскоре они могут столкнуться с неизвестным врагом, но его беззаботное отношение было долгожданным изменением обычно серьезного тона ведьмаков.

Он устроил грандиозное представление, сняв с себя впечатляющую шляпу с перьями и поклонившись группе, передвигающей мебель по залу, готовясь к пиру Имбаелк. «Приветствую вас, мои друзья-ведьмаки. Я долго ждал возможности увидеть легендарный Каэр Морхен, и теперь я обнаружил, что он освещен, как сказочный замок, с собственным отрядом рыцарей, галантно готовящихся к вечеру».

— Заткнись, Лютик, и помоги мне переместить это. Геральт рывкнул на него. Бард покраснел, но послушно подбежал к другу, чтобы помочь, насколько мог, своими тонкими руками переместить через зал большой стол на козлах. Элли зачарованно наблюдала за странной парой. Эскель, проходя мимо с бочонком эля под мышкой, ухмыльнулся ей.

«Не проси меня объяснить их отношения, потому что я не думаю, что даже они знают». Ей пришлось признаться, что Лютик был демонстративно очарователен. Она не была уверена, что кто-нибудь когда-нибудь целовал ей руку в знак знакомства, а трубадур, одетый в пурпурные шелка, едва моргнул, когда Геральт признался, что она на самом деле демон.

«По моему мнению, интересная компания порождает превосходное искусство». – заявил он,

нахально подмигнув ей. Да, она понимала, как ему удастся вооружить ведьмаков более нарядными одеждами.

«Я чувствую, что ты что-то упускаешь». — сказала Трисс, выводя ее из задумчивости.

— Разве этого недостаточно? — язвительно ответила Элли, указывая на платье и частично уложенные волосы. Она подвела черту, когда Йен наносила что-нибудь себе на лицо.

— Почти, но не совсем. — сказала Трисс, задумчиво потирая подбородок. — Нам нужно что-нибудь, что привлечет его внимание.

Элли сузила глаза. — Чей глаз?

Трисс загадочно улыбнулась. 'Ни один. Я оговорился.

'Хм.' — сказала Элли, производя лучшее впечатление о Геральте. Трисс рассмеялась, ее красота внезапно ослепила.

— У тебя есть какие-нибудь украшения? Что-то сверкающее. Элли собиралась открыть рот, чтобы сказать, конечно, у нее нет украшений. Она боролась с демонами, и это не совсем то, для чего нужны красивые серьги. Затем она снова закрыла рот, вспомнив вещь, спрятанную среди ее старой одежды.

— У меня может быть что-нибудь есть. Вы продолжаете. Я спущусь через секунду. Трисс мудро кивнула ей, а затем последовала за Йеной, вышла из ее комнаты и спустилась по лестнице в главный зал. Забрав ожерелье Ламберта, Элли на мгновение задумалась. Расстроится ли он, если она наденет это? В конце концов, он отдал его ей на елку, а не для того, чтобы продемонстрировать ее на шее.

Он подходит к вашим глазам. Его мягкий, хриплый голос прозвучал в ее ушах, и она почувствовала, как ее пробежала дрожь. Он дал это ей, не так ли? А что, если она решит надеть это? Она уже была накрашена, как кровавая театральная кукла, и могла бы завершить образ. Она ловко надела его на шею и закрепила на месте. Сапфир размером с пенни висел у нее на груди, красиво сверкая. Элли внезапно стала очень застенчивой. Она смущенно потянула верх платья, пытаясь скрыть уродливый шрам в форме звезды над сердцем. Ничего нельзя было поделать с тем, что было на ее лице, но, опять же, она была не единственной, у кого были видны неприглядные шрамы. Нет, она была единственной, кто был в платье.

Тяжело вздохнув, она решила, что ждала достаточно долго. Если бы она еще колебалась, Йеннифэр вернулась бы сюда и вытащила бы ее за волосы. Стараясь успокоить нервы, как могла, Элли спустилась в главный зал, где уже могла слышать доносящиеся до нее звуки смеха и музыки. Широкая улыбка сама собой растянулась на ее лице. Что бы ни случилось дальше, по крайней мере, она запомнит эту праздничную ночь со своими новыми друзьями. Люди, которые помогли странной девушке-демонке из другого мира, не имея к этому никакого стимула.

Звук веселья усиливался по мере того, как она спускалась по лестнице, и в ее нос ударила какофония запахов. Вареное мясо, пирожные, фрукты. Сильный запах сосны от ее рождественской елки и древесный дым от большого костра; но ко всему этому примешивались запахи, которые стали ей так знакомы. Кедровый привкус Весемира, ягодно-цветочный аромат Йены. Домашний запах лаванды Трисс и древесный тимьян Геральта. Эскеля она смогла выделить немного яснее, проведя с ним больше времени. Успокаивающий и ароматный аромат розмарина выделялся среди смеси запахов, как знак препинания. Затем над ними, почти

подавляя своей силой, взмыл пламенный, болезненно обжигающий коричный аромат.

Элли почувствовала, как ее ладони стали скользкими от пота, когда она последовала за запахами в светлый зал. Комната была освещена светом свечей. Ее дерево — маяк случайной красоты в одном углу. Она прищурилась: виды, запахи и звуки внезапно оказались слишком сложными для восприятия, а затем она почувствовала на себе всеобщие взгляды. Дав зрению привыкнуть, она первой увидела Трисс и Йен, стоявших у стола и допивавшихся элем. Эскель не шутил, когда говорил о том, что напился. Они оба тепло улыбнулись ей, Йен в знак приветствия подняла стакан, наполненный чем-то бордовым. С одной стороны от них стоял Лютик. Небрежно сидел на другом столе, скрестив ноги, положив на них лютню, а пальцы застыли, как будто во время игры. Он еще раз дерзко подмигнул ей, когда ее глаза обратились к самой большой группе в зале.

Ведьмаки собрались вокруг еды, разложенной на самом большом столе крепости посередине комнаты. Эскель был ближе всех к ней, его покрытое шрамами лицо расплылось в привычную улыбку. Он держал большую ногу какой-то птицы и, как и Лютик, казалось, заморозил середину укуса. Весемир и Геральт стояли на противоположной стороне стола, их тела наклонились так, как будто они были заняты разговором до того, как их прервали. Только тогда Элли поняла, что Трисс была права. Ведьмаки больше не носили своих традиционных кожаных доспехов, а были одеты гораздо более непринужденно. К счастью, ни один из них не пошел по пути изысканного фиолетового шелка и шляпы с перьями Лютика, но они все равно выглядели шокирующе по-другому.

Эскель был одет в темно-бордовую рубашку и черный бархатный жилет, оставленный сверху расстегнутым. Геральт был одет в белую рубашку с слегка расстегнутым воротом, волосы были собраны в аккуратный хвост. Выглядело так, будто его почистили, и Элли задалась вопросом, не была ли виновата Йеннифэр. Весемир был самым умным из троих, черно-серебряный камзол делал его похожим на достойного лорда, а не на закаленного в боях ведьмака. Для разнообразия его усы и волосы выглядели такими же ухоженными, и он дружелюбно улыбнулся ей, что только добавляло ему красоты.

Наконец, Элли сосредоточилась на последнем члене их группы и своем первом друге. Ламберт стоял дальше всех. Небрежно прислонившись к столу, скрестив руки на груди. Она почувствовала, как ее ладони похолодели, а желудок свело при виде него. Вероятно, он был наименее нарядно одет из всей группы. На нем была только свободная черная рубашка и фирменные кожаные брюки. Тем не менее, Элли почувствовала, как ей становится тепло, когда ее взгляд скользнул к намеку на волосы на груди, открывающиеся под его неформальной одеждой, и обнаженные мышцы предплечий, пересекающие его широкую грудь.

Точно так же его собственные пылающие янтарные глаза скользнули по ее фигуре, и она рефлекторно схватила верх платья и дернула его выше, чем заслужила медленную ухмылку ведьмака. Йен мгновенно оказалась рядом с ней и ударила ее по руке.

'Прекрати это. Ты выглядишь великолепно. Она оценила сапфир, теперь висящий у нее на шее, с одобрением в глазах. — Хватит глазеть. Одуванчик, где эта новая песня, которой ты все время хвастаешься?'

'Конечно. Подожди, пока не услышишь вот это, это чушь. И на этом вечеринка возобновилась. Она бы дала ему это, ведь Лютик, несмотря на всю свою браваду и ярость, определенно умел играть. Элли бродила по залу, выпитывая всю их тяжелую работу. В центре внимания было дерево, но вокруг балок и вдоль стен были также гирлянды плюща и остролиста. Большой костер весело потрескивал, и, должно быть, это место освещало около тысячи свечей.

Несмотря на то, что сейчас неподходящее время для Имбаелка, все еще была зима, вокруг столов были собраны подснежники в различных стеклянных банках. Элли подозревала, что для их выращивания было использовано какое-то волшебство.

Она светилась от счастья, видя, как жители Каэр Морхена смеются и шутят. В зале царит музыка и веселье. Она задавалась вопросом, было ли это что-то похожее на старые времена, когда это место было полно ведьмаков. Весемир определенно выглядел самым молодым из всех, кого она когда-либо видела, когда он хлопнул Геральта по спине из-за чего-то особенно смешного.

Элли обнаружила, что зашла к приготовленным ею медовым пирожным. Они выглядели и пахли восхитительно. Она осторожно взяла один и насладились сладким ароматом, прежде чем откусить. Ее глаза закрылись от вкуса меда во рту, ощущения удовольствия, которое она редко употребляла, но это был праздник.

— Думал, ты не ел? Голос Ламберта раздался рядом с ее ухом. Открыв глаза, она виновато отдернула от себя торт.

— Мне это не нужно. Это не значит, что я вообще не могу есть. Она почувствовала, что начинает защищаться под его бесстрастным взглядом. Его запах корицы был еще сильнее, когда их разделяла только рубашка.

«Я предложил тебе еду в пути, это было бы грубо не принять ее, если бы ты мог, тебе не кажется?» Он дразнил ее. Она чувствовала это. Между ними уже нарастает опасная, пороховая напряженность.

«Если мне не нужно есть, зачем мне есть что-то отвратительное?» Ламберт ухмыльнулся. «Ты такой извращенец. Если вы понимаете, о чем я.»

«Хм, я не уверен, что у меня голубые глаза». Он повернулся и снова прислонился к столу, его обнаженное предплечье коснулось ее обнаженного плеча. «Меня учили вежливо принимать чье-то гостеприимство, каким бы... грубым оно ни было». Она старалась не отвлекаться на контакт кожи с кожей, которым они только что поделились, и сосредоточиться на споре, который они сейчас вели. Боковым зрением она видела, как Эскель приближался к ним по столу.

— Тебе понравилось что-нибудь, что ты ел на Пути? Ламберт сделал вид, что задумался об этом, потирая бороду.

'Не совсем.' Ее губы сжались, когда ее безразличный тон усилился.

— Тогда какого черта мне это нужно? Громкий смех Эскеля разрядил напряжение. Это было похоже на удар по лицу порывом ветра, когда Элли почувствовала, как к ней вернулись чувства. Обжигающий личный пузырь, который она и Ламберт приберегли друг для друга, лопнул.

«У нее есть смысл, брат».

— Как обычно, тебя никто не спрашивал. Разве у тебя нет веса в эле, чтобы выпить, брат? Эскель ухмыльнулся, намеренно глотнув из кружки, которую держал в руках, а затем с громким стуком с силой поставил ее на стол. «Вообще-то я подумывал пригласить этого человека на танец. То есть... если ты еще не спросил ее?»

Губы Ламберта скривились, когда он посмотрел на своего брата. Эскель просто улыбнулся в ответ, протянул ей руку и не сводил глаз с молодого ведьмака. Элли почувствовала, как покраснела ее кожа, и почувствовала смесь унижения и раздражения из-за того, что ее поместили в центр этого территориального зрелища. «Я действительно не знаю, как танцевать под такую...».

'Все нормально. Я покажу тебе.' — вмешался Эскель, шевеля бровями в насмешливом намеке. Оказалась с ограниченными возможностями; принять и унизиться перед остальными с Эскелем или отказаться и продолжить этот неловкий разговор с Ламбертом, она испустила третий за вечер вздох и вложила свою руку в руку Эскеля.

'Отлично. Но если я наступлю тебе на ногу, ты будешь винить только себя. Его рука крепко сжала ее, и он повел ее вокруг стола на свободное место рядом с ним. Лютик играл какую-то джигу, и Элли тут же пожалела о своем решении, когда Эскель взял ее другую руку в свою и начал танцевать. Она ни в коем случае не была неуклюжим человеком; быстрая на ногах и чрезвычайно спортивная. Однако она была незнакома с танцами этого мира и привлекла к себе внимание всей комнаты, включая очень очевидный горящий взгляд откуда-то позади нее.

'Следовать моему примеру.' — пробормотал Эскель, развернув их, ненадолго отпустив ее, чтобы сделать серию хлопков. Она копировала его, как могла, и почувствовала, как ее щеки ярко загорелись, когда с одной стороны донесся хриплый смех Весемира.

— Ты мог бы хотя бы позволить одному из нас сначала показать бедной девочке, как танцевать Эскель. Ты двигаешься, как хромой мул. Эскель ухмыльнулся, не сводя с нее глаз, обхватил ее за талию и закрутил.

«Хромой мул, который танцует с самой красивой девушкой в комнате, могу я добавить». При этом он подмигнул, и Элли была уверена, что его рубашка соответствует тому, насколько горячим стало ее лицо. Одной рукой он обнимал ее за талию, а другой крепко сжимал ее, водя ими по полу. Она не могла согласиться с Весемиром, Эскель танцевал с той же грацией и ловкостью, что и сражался. Она обнаружила, что ее увлекает музыка и его энергичная пляска, пока она не последовала за ним шаг за шагом.

Краем глаза она увидела еще одну элегантную пару, танцующую рядом с ними. Посмотрев мимо плеча Эскеля, она увидела, как мимо проносились Геральт и Йеннифэр. Волшебница похожа на королеву в своем черном бархатном платье с деталями из слоновой кости. Их глаза встретились, и она застенчиво улыбнулась Элли, прежде чем они исчезли в вихре движений, когда Эскель поднял ее высоко в воздух за талию. Она издала громкий визг, прежде чем разразиться приступом смеха, когда он поставил ее обратно.

— Смотри на меня, мисс. Он выругался. Dandelion блестяще завершил джигу, но без паузы сразу перешел к следующей песне. На этот раз это была плавная, меланхоличная мелодия, говорящая о тоске и душевной боли. Эскель обнял ее за талию, и они начали медленный танец. Обтекают друг друга, как вода. Теперь она двигалась с более спокойной скоростью. Элли могла видеть, что Весемир и Трисс тоже присоединились к ним. Трисс тепло улыбалась старому ведьмаку, и в его взгляде чувствовалась знакомая нежность, напомнившая ей об отце и дочери.

'Вы счастливы?' Внезапный вопрос Эскеля заставил ее вздрогнуть. Ее глаза метнулись обратно к партнеру. Она попыталась обдумать его вопрос, но в ее голове все время не было мыслей о том, какими должны быть правильные слова. Его улыбка померкла, когда он увидел, как она размышляет. «Это что-то еще, Эл. Это самое счастливое событие, которое я видел за последние годы, и ты сделал это. Кажется, тебе жаль, что ты тоже не ощущаешь частичку этого счастья».

Они окружили друг друга, ее ладонь прижалась к его ладони, когда она посмотрела на его изуродованное лицо. 'Я в порядке.' Она сказала. Его бровь опустилась в ответ на ее уклончивый ответ.

— Ты не выглядишь так. Я имею в виду... ты выглядишь... потрясающе, Элли. Но ты не выглядишь счастливым. Не совсем.' Они поменяли направление: противоположные ладони на противоположные ладони.

«Мне здесь не место. Куда бы я ни пошел, я несу с собой хаос и опасность, и мне скоро придется уйти, несмотря на все разрушения, которые я принес сюда на своем пути». Его рука вернулась к ее талии, и они лавировали между другими танцующими парами.

— Тогда оставайся. Мы можем противостоять всему, что преследует тебя. Вы можете построить здесь дом. Что-то в тоне его голоса заставило ее вдруг сильно испугаться. Она покачала головой, пытаясь увеличить расстояние между ними, но его хватка была железной. Что было с этими ведьмаками и неловкими ситуациями?

— Я не могу. Мне нужно вернуться.

'Кто говорит? Мы обеспечим вашу безопасность, но вам это не нужно. Все здесь любят тебя... Я люблю...

Ей казалось, что ее вот-вот затошнит. Она почувствовала, как воздух вокруг нее начал потрескивать, и ее глаза зажмурились, как будто их закрытие могло каким-то образом остановить это. Это произошло в мгновение ока. В одну секунду она почувствовала, как ее мышцы напряглись, прижимаясь к ведьмаку, отчаянная мольба «Эскель» слетела с ее губ, затем вес его руки, обнимавшей ее, поднялся, и она повернулась в пространстве в объятиях другого.

«Я возьму это отсюда, брат». Знакомая растяжка произнесла возле ее уха. Теплые руки обвили ее, и твердая стена мускулов прижалась к ней. Медленно она открыла глаза и посмотрела на мрачное лицо Ламберта. — С тобой все в порядке, Голубые глаза?

Его голос был низким и хриплым, когда он вел их по полу. Она увидела Эскеля, стоящего в одиночестве и наблюдающего за их уходом, с грустной улыбкой на лице. И вот она снова пошла, причинив боль кому-то из близких ей людей. 'Не совсем.' Она призналась, наклонив голову и коснувшись лбом его ключицы.

— У него добрые намерения, но у него нет такта, когда дело касается дам. Она скорее услышала, чем увидела улыбку в его голосе. Элли издала очень неженское фырканье в его рубашку.

— И ты это делаешь? Его грудь вибрировала, когда сквозь нее прогремел тихий смешок.

«Туше».

Она наблюдала, как их ноги, запинаясь, двигались вокруг друг друга. Они больше почти не танцевали, шок от почти признания Эскеля и быстрого замечания Ламберта испортил ей праздничное настроение.

«Я не смогу вести тебя, если ты все время смотришь в пол». Элли сглотнула. Не желая поднимать голову и смотреть в лицо любой катастрофе, которая должна была произойти, но ей не оставалось места для споров, когда твердый палец вошел ей под подбородок и осторожно

поднял его, так что она посмотрела в глаза своему новому партнеру. 'Там. Это гораздо лучше.' Он пробормотал. Его глаза метнулись к сапфиру, лежащему на ее груди. Он опустил палец и провел им по тонкой цепочке, прижимая ее к ее коже, где сиял драгоценный камень.

— Тебе это идет. — хрипло сказал он.

Ей стало очень тяжело дышать. Атмосфера мгновенно накалилась. Остальная часть комнаты исчезла, пока не остались только они, танцующие в одиночестве. Внезапно слова почувствовали себя бессмысленными, и никто из них не произнес ни слова. Они обтекали друг друга, руки прижимались друг к другу, тела просто соприкасались. Достаточно, чтобы почувствовать тепло друг друга, но недостаточно, чтобы обжечься. Выражение лица Ламберта было пустым, но его глаза... его глаза говорили все. В тот момент не имело значения, кем она была или даже кем он был. Все, что существовало, — это они и танец.

Он был совсем другим танцором, чем Эскель; менее изящный, но, конечно, не менее умелый. В его движениях был контроль, который скрывал едва сдерживаемые эмоции. Она обнаружила, что идеально соответствует ему, ее ноги двигаются автоматически, ее тело изгибается и течет лишь в малейшем направлении от него. Элли почувствовала, как ее рассуждения начали ускользать. Дюйм за дюймом она приближалась к нему, пока ее руки не обвили его шею, а его — ее талию.

В какой-то момент он поднял ее высоко в воздух, как это сделал Эскель, и она почувствовала изменение силы тяжести, когда его руки впились в ее талию. Она сама опиралась на его плечи, их глаза смотрели друг на друга. Медленно, мучительно медленно он опустил ее вниз. Их носы соприкоснулись, когда он поднес ее к своему лицу. Она замерла там на мгновение, его дыхание горячо касалось ее рта, его руки держали ее в воздухе.

По краям их пузыря она могла различить остальных; Геральт и Йен застыли и наблюдали за ними, Трисс теперь танцевала с Эскем, их глаза смотрели не друг на друга, а на них самих. Зал внезапно почувствовал себя очень маленьким и вызывающим клаустрофобию. Элли могла слышать, как ее кровь бежит по венам, когда прикосновения Ламберта начали обжигать ее.

— Мне нужно... мне нужно немного воздуха. Пожалуйста.' Она заикалась. Ламберт осторожно поставил ее на ноги и без споров отпустил. Она одарила его извиняющимся взглядом, прежде чем склонить голову и быстро выбежать из главного зала во двор. Ночной воздух был холодным, и она остро осознала, что на ней нет ничего, кроме этого смехотворно маленького платья. Не желая возвращаться, она перешла на быстрый бег и направилась к лестнице, ведущей к парапету на стене. Все, чего она хотела, это одну ночь покоя, почему ее глупое сердце продолжало мешать?

Ламберт постарался подождать достаточное количество времени, прежде чем последовать за ней. Остальные продолжили веселье после того, как она ушла, но он отступил в дальний угол, чтобы прийти в себя. На этот раз он не злился на нее. Он слышал, что она сказала Эскелю, и в свое время он разберется со своим братом за его небольшую вспышку гнева, но это прояснило ему многое. Не в последнюю очередь ее мотивация играть с его эмоциями в последние несколько месяцев. Итак, он сидел и ждал, наблюдая, как остальные смеются, пьют и танцуют. Ждал, пока не убедится, что они не заметят, что он выходит через те же двери, что и она. Если бы их разделял страх, он бы заставил ее увидеть смысл.

Нетрудно было уловить ее запах снаружи, настолько знакомым он стал. Он проследил его до лестницы, ведущей на зубчатые стены. Когда он вытянул шею, чтобы посмотреть, он увидел ее силуэт на фоне ночного неба. Чернильная чернота, пронизанная тысячами звездочек,

окружавших ее одинокую тень. Он тихо поднялся по лестнице, не желая беспокоить ее слишком рано. Достигнув вершины, он остановился, некоторое время молча наблюдая за ней. Ее профиль серебряный в лунном свете. Несколько прядей ее темно-каштановых волос развевались на ветру и танцевали вокруг ее головы.

Он почти развернулся и направился обратно в холл, хотя знал, что она уже почувствовала его присутствие. Что-то в том, как она смотрела на зубчатые стены Каэр Морхена, заставило его неловко ее беспокоить. Как будто его отвратительная личность была бы нежелательна даже сейчас.

«Хватит прятаться в тени». Ее голос был тихим, но доносился до него ясно, как колокольчик. Теперь он настолько привык к этому, что был уверен, что сможет услышать его на оживленной рыночной площади Новиграда, если понадобится. Будучи обнаруженным, он направился к ней. Подхожу к ней и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на тот же вид. Леса и горы, окружающие школу Ведьмака, были залиты таким же серебристым светом, как и она, но они определенно не оказали на него такого же воздействия, как она при лунном свете.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, не отрывая взгляда от спокойных вод ближайшего озера, и свет, отражаясь от него, делал его похожим на новый пенни. Он почувствовал ее вздох, ее руку, касающуюся его, когда ее плечи поднимались и опускались. Это было глупо, как сильно его тело отреагировало на краткий контакт. Его пульс мгновенно ускорился, теперь уже знакомый жар скапливается в животе. Ему нравилось думать, что если бы у нее был пульс, он бы сейчас тоже участился. Эта мысль привнесла оттенок печали в мирный момент.

«Мне нужно было уйти. Все снова становилось немного... напряженным.

«Однако бег, похоже, не работает». Он смотрел прямо перед собой, но почувствовал, как ее взгляд наконец переместился на него.

— Только потому, что ты продолжаешь преследовать меня. Затем он посмотрел на нее сверху вниз.

— Так скажи мне остановиться. Он видел внутреннюю борьбу в ее глазах, даже при таком свете они были глубокого, проникновенного голубого цвета. Точный оттенок кулона, который он ей подарил. Он повернулся так, чтобы смотреть на нее полностью. — Скажи мне, что ты не хочешь меня, что ты не чувствуешь этого... дерьма между нами, и я оставлю тебя в покое.

Она закусила губу. — Я не могу.

Он кивнул, и на его лице появилось торжествующее выражение. — Ты не можешь, потому что любишь меня... верно?

Ее рот открылся от шока. — Ламберт, ты должен понять. Я проклят, ты умрешь, только если я признаюсь...

— Мне плевать на твое дурацкое проклятие. Он зашипел, делая шаг к ней, заставляя ее самой отступить. «По моему опыту, большинство проклятий накладываются на себя. Выдуманная чушь, которую люди говорят себе, чтобы оправдать свою дерьмовую удачу. И даже если ты проклят, разве я не имею права голоса? Я большой мальчик, я могу позаботиться о себе, но чего я не могу сделать, так это прожить еще одну чертову секунду без тебя. Это сводит меня с ума».

Глухой гул ветра давил на них, тишина нарастала. Его последнее слово унесло от них ветерком.

Она посмотрела на него, ее глаза были круглыми, как блюдца, ее грудь быстро поднималась и опускалась.

«Я уже видел, как из-за меня умер тот, кого я люблю. Из-за того, какой я есть. Я пообещал себе, что никогда больше не почувствую этого».

— Похоже, ты нарушил свое обещание. Сказал он коротко.

Ее губы сжались в тонкую линию, в глазах появился решительный взгляд. 'Еще нет. Нам не обязательно этого делать, я могу сделать...

'Нет!' Его крик заставил ее отпрыгнуть еще на шаг, но он уже не был вежлив по этому поводу. Если бы она собиралась продолжать неоднократно бить его в сердце, он бы дал ей понять, как это чертовски больно. «Останови эту Элли!»

Прохладный воздух вокруг них начал нагреваться. Потрескивающий металлический привкус щекотал язык и кожу. Он чувствовал это раньше на лодке и несколькими минутами раньше в коридоре, когда Эскель напирал на нее, но на этот раз он был уже на два шага впереди нее. Его рука вырвалась и схватила ее за запястье, удерживая так крепко, как только мог, не причиняя ей вреда.

'Прекратить бег.' Сказал он, и в его голосе звучала тихая угроза. Энергия, которую она вызвала, кусала и жалила его руку, онемели пальцы, из-за чего было трудно держаться за них. «Не лишайте меня выбора. Не делай этого со мной.

Он чувствовал, как внутри нарастает гнев, та знакомая ярость, которая отталкивала так много людей. Она выглядела такой же разгневанной, когда он схватил ее за запястье, но теперь возмущение исчезло. Тает, оставляя после себя лишь отчаянную тоску.

«Сумасшедший чертов демон». Он зарычал, притягивая ее к себе, так что она с раздражением врезалась ему в грудь. Его рот оказался на ее губах прежде, чем она успела возразить, его рука все еще сжимала ее запястье в тисках. Другой скользнул вокруг ее шеи, чтобы как следует прижать ее к себе. В отличие от их первого поцелуя, этот был безумным, почти отчаянным по своей сути. Он не знал, попытается ли она еще сбежать от него, поэтому ему хотелось передать все свои чувства в этот сжатый момент. Ее дыхание было горячим у него во рту, ее вкус был лучше любого вина в Туссене. Его воспоминания об этом не отражали этого должным образом, и он обнаружил, что чем больше он поглощал, тем больше ему хотелось. Ее тело склонилось к нему, поначалу жесткое и непреклонное, но когда он скользнул языком ей в рот, она растворилась в нем, подчинившись его воле.

Их объятия не были робкими или романтическими, как всегда пели барды. Оно было диким и агрессивным, пожирающим их, как огонь, и Ламберт знал, что ему нужно вывести их из открытого пространства и найти более уединенное место.

'Пойдем со мной.' — хрипло сказал он ей в губы. 'Сейчас.' Он добавил для хорошего сообщения. Крепко держа ее за запястье, он повернулся и пошел к лестнице. К его большому восторгу, она послушно последовала за ним. Все следы зловещего потрескивания в воздухе исчезли. На этот раз она решила остаться.

Шаг Ламберта ускорился вместе с частотой пульса, когда он повел ее обратно в крепость, минуя главный зал и поднимаясь в общежитие. Он знал, где находится ее комната. Если бы он не проходил мимо него много раз с тех пор, как ее туда перевезли, то одного ее запаха было бы достаточно, чтобы направить его. Она не стала комментировать, куда они направляются,

единственным звуком, который она издавала, был звук ее быстрых шагов позади него. Он слышал, как его пульс скачет в его ушах, когда он подошел к ее двери, впустил их обоих и тихо закрыл ее за ними.

Медленно он повернулся к ней лицом. Отпуская его хватку на ее запястье. Они стояли в темной комнате и смотрели друг на друга. Они оба тяжело дышат, оба боятся пошевелиться, чтобы не упустить момент. Спустя, казалось, целую вечность, Ламберт подошел к кровати и зажег на соседнем столике маленькую, наполовину догоревшую свечу. Когда он использовал Игни, вспыхнула магическая искра, и комната залилась тусклым оранжевым сиянием. Элли стояла там, где он ее оставил, неловко сложив руки перед собой. Свет свечей придавал ее коже люминесцентное сияние, сапфир на ее шее притягивал его взгляд, мерцающий свет танцевал в его глубинах.

Ламберт чувствовал, как жар от их поцелуя на стене скапливается у него в животе. Он сделал уверенные, размеренные шаги к ней, как будто она была диким животным, которого он старался не спугнуть. Он видел, как двигалось ее горло, когда она глотала, ее голубые глаза были широко раскрыты и неуверенны. — Я хочу тебя, Элли. Сказал он, его голос был едва ли не шепотом. Он увидел, как она слегка вздрогнула. Он остановился прямо перед ней, так что ей пришлось запрокинуть голову назад, чтобы посмотреть на него. Он провел рукой по ее обнаженной руке, оставляя за собой след мурашек.

'Все хорошо?' Он спросил. Жидкое тепло, поселившееся в его животе, усилилось, когда она посмотрела на него, ее кожа покраснела и стала красивой, а рот был слегка приоткрыт. Все, что он видел, это девушку, в которую он необъяснимым образом влюбился, демоническая часть ее была предметом беспокойства на расстоянии. Ее голова слегка покачивалась, когда она кивнула в знак согласия. Он почувствовал, как его рот изогнулся в торжествующей улыбке, когда он медленно опустил лицо к ее лицу, на этот раз наслаждаясь ожиданием.

Когда их губы соприкоснулись, он наслаждался ощущением ее мягких губ, ее хриплым вздохом, когда она открылась ему. На этот раз она выглядела более нерешительной, и он почувствовал нервозность в ее прикосновениях, когда она дрожащими руками провела руками по его груди. Ламберт легко взял на себя инициативу, направив ее пальцы к шнуру у его горла, чтобы она могла ослабить его рубашку. Он сжал ее руку, а она провела кончиками пальцев по волосам на его груди. Восхитительная дрожь прошла по его позвоночнику. Чувствуя, что его контроль начинает теряться, он позволил ее рукам опуститься к краю и ободряюще потянул его, пока она не начала поднимать его, обнажая его торс.

Все это время он целовал ее рот, ее челюсть, ее нос, ее веки, ее щеки. Ее руки были горячими на коже его груди, оставляя огненные следы, когда она нежно касалась его шрамов. Он нашел завязки сзади на ее платье и начал их развязывать. Она вздрогнула, когда он обнажил ее спину и лениво провел большим пальцем по ее позвоночнику.

Среди жарких поцелуев и голодных прикосновений им удалось раздеть друг друга. Ламберт едва мог дышать при виде ее обнаженной перед собой, если не считать сапфира, который он ей подарил. Он впитывал ее, запоминая каждый изгиб и веснушку. Его взгляд остановился на шраме в форме звезды прямо над ее сердцем, и, не раздумывая, он протянул руку, чтобы нежно прикоснуться к нему. Это был единственный след на ней, не считая клейма на запястье и шрама над одним глазом. Кожа была слегка приподнята и сморщена и была холодной на ощупь. Трещина гнева разорвала наполненную похотью дымку его мыслей. Воспоминания о зазубренной ветке дерева, пронзающей плоть, крики ребенка, эхом разносящиеся по темному лесу.

Он вздрогнул, когда ее рука легла на его, прижав ладонь к шраму, чтобы он мог по-настоящему почувствовать контраст льда и огня. 'Все нормально.' - сказала она мягко. Ее рот дрожит в нервной улыбке. «Теперь это не болит».

У него перехватило дыхание, когда он посмотрел на нее сверху вниз. Затем она сократила расстояние и прижалась своим обнаженным телом к его. Поскольку между ними не было одежды, их огонь бушевал ярко. Везде, где они соприкасались с кожей, разгорался ад, поглощая их, пока они пожирали друг друга. Ламберт провел руками вниз по ее заднице и, обхватив заднюю часть ее бедер, легко поднял ее в воздух. Инстинктивно она обвила ногами его талию и позволила донести ее до кровати.

За свою долгую и несчастливую жизнь Ламберт переспал со многими людьми. Для него это было освобождением; способ обрести некий контроль и эскапизм в своем несчастном существовании. С Элли все было иначе. Он чувствовал, как его мир сжался до этой комнаты, пока не остались только они, потерявшиеся друг в друге. Побег был последней вещью, о которой он сейчас думал. Он почувствовал ее неопытность и снова взял на себя инициативу. Направляя ее ноги и руки, нежно располагая их обе так, чтобы он мог смотреть в эти бесконечные голубые глаза. Он медленно занимался с ней любовью, наблюдая, как она разваливалась под ним. Мир сошел на него; чувство принадлежности, которого он хотел с юных лет, и когда она наконец сдалась ему, его имя на ее губах было самым сладким звуком, который он когда-либо слышал.

<http://tl.rulate.ru/book/100009/3430588>